

Продолжение Р2

Мать - Турицына (Скопина) Елена Ильинична - родилась 13 апреля 1908 г. в Иркутске в семье крупного инженера (по словам матери, входившего в "золотой" список 900 лучших инженеров России того времени) Скопина Ильи Андреевича. У меня сохранилось несколько юбилейных адресов деда, которые в какой то мере характеризуют его. Первый вручен ему в связи с уходом с Волжского Стального Завода (Саратов) 21 декабря 1903 г. В нем написано " ... Время, проведенное Вами механиком Волжского Стального Завода, в связи с душевными Вашими качествами, близко и сильно связали нас с Вами, тем тяжелее нам видеть, что оставляете дело, которым столь блестяще управляли. Отношения Ваши к нам всегда имели для нас глубоковоспитательный характер; неусыпные труды Ваши в заводском деле послужили нам хорошим примером трудолюбия, а предъявляемые к сотрудникам высокие требования, которые, однако, нисколько не исключали крайне снисходительного отношения к ошибкам и постигавшим нас неудачам, были для нас высоко-полезной школой. Ваши просвещенные указания и советы устраняли в трудных случаях препятствия, казавшиеся подчас непреодолимыми. Вникая в подробности наших работ, Вы умели подмечать качества людей и достойных поставили на надлежащий труд. ... Вы достигли результатов, которыми, поистинно, можете гордиться, тем не менее, по врожденной своей скромности, Вы всегда оставались в тени. ... Расставаясь с Вами, Глубокоуважаемый Илья Андреевич, мы никак не можем забыть Вашего сердечного к нам отношения и внимательного участия к нашим нуждам. ... " Конечно, можно сделать скидку на высокий "штиль" этой бумаги, но содержание ее свидетельствует о том, что люди, ее составлявшие, на первое место ставили высокие профессиональные и человеческие качества деда, и им не было смысла лукавить, поскольку он уезжал далеко и, вероятнее всего, навсегда. Второй адрес вручен деду 20 января 1917 г. по случаю десятилетия его управления каменноугольными копями Е.И. и В.А. Рассушиных в Черемхово.

Бабушка Елизавета Владимировна Скопина (Орлова) в молодости, по-видимому, имела отношение к театру, о чем свидетельствует сохранившийся адрес, в котором написано: "Старшины и члены "**Собрания Мастеровых**", а также кружок любителей и любительниц драматического искусства выражает **Вам** многоуважаемая **Елизавета Владимировна** чувства глубокого сожаления по случаю **Вашего** отъезда. **Ваш** недюжинный талант, **Ваш** симпатичный образ надолго останутся в нашей памяти. От души желаем **Вам** в **Вашей** новой жизни, здоровья и счастья! Надеемся, что любовь к дорогому искусству в **Вас** не умрет, и **Вы** сумеете зажечь в сердцах будущих **Ваших** друзей священный пламень к театру, чтобы совместно с ними просвещать наш темный русский народ!

Г. Саратов, 21 декабря 1903 г. "

И.А. Скопин. Приблизительно 1914-15

В семье деда было, по крайней мере, 5 детей: старший сын Дмитрий, двое близнецов Федор и Роман, дочь Елена и младший сын Андрей. После революции (возможно в интервале 1918-1920гг.) вся семья эмигрировала в Харбин. Там дед умер, а бабушка вышла замуж за полковника царской армии Ильина. Дмитрий уехал в Америку. В 1945г., после окончания войны с Японией, Ильин и Андрей были арестованы, вывезены в СССР и попали в Тайшетлаг. Ильин там и скончался. Андрей после 10 лет лагерей освободился и вскоре уехал в Черкесск. Бабушка и Федор с Романом после 1945г. эмигрировали в Австралию.

Мама в 1924г. поступила, а в 1927г., окончила 1-ую Харбинскую Зубо-врачебную школу (с хорошими и отличными оценками). После окончания курсов, имея 19 лет отроду, она решила вернуться в СССР с желанием принять участие в строительстве нового общества. Приехав в Иркутск, она сразу (с 31 мая 1927 г.) поступила на работу зубным врачом в Тальцах. Экстерном она сдала все экзамены на медицинском факультете Иркутского университета и 26 июля 1927 г. получила свидетельство зубного врача. Об ее общественной активности свидетельствует то, что в это же время она являлась профуполномоченным коллектива Тальцинского приемного покоя. Но ее деятельную натуру не устраивала такая судьба (не для того она ехала в СССР) и она в облздравотделе добилась назначения в наиболее отдаленное место в области, на Бодайбинские прииски, где и начала работать с 3 сентября 1928 г. И здесь она - активная общественница (член Рудничного Комитета Ленско-Витимского Горного Округа). Вскоре она познакомилась со "старым холостяком" тридцатитрехлетним Турицыным С.К., который не долго сопротивлялся ее чарам. 23 марта 1929 г. они вступили в брак. Насколько я помню рассказы мамы, оба они были очень счастливы в то время. Раз или два они даже успели съездить на юг. Но длилось это не долго. Вскоре после моего рождения, в апреле 1932 г. отец был арестован и вывезен в Иркутск. Мы с мамой последовали за ним. Она проявляла огромное мужество и самообладание в это время. У отца, как я понимаю, открылась язва, и ему надо было организовать диетическое питание. Для этого требовались большие деньги. Пришлось продать наряды и драгоценности, которые у мамы сохранялись еще с Харбина. Некстати тяжело заболел я. Началось воспаление брюшины. Мама носилась между тюрьмой и врачами. Если я правильно помню, спас меня профессор Фельдгун. После окончания следствия отца, по-видимому, этапировали в Москву, в Бутырскую тюрьму. После его осуждения и отправки в Воркуту, мама 1 июня 1933г. увольняется с работы в горамбулатории Бодайбо, и мы едем в Подмосковь. С сентября 1934 г. она устраивается на работу зубным врачом в санаторий "Красный шахтер" (Богородицк, Московской обл.), где и проработала до 1 июня 1936г. Для жилья ей была предоставлена довольно большая комната на втором этаже деревянного бревенчатого дома, снабжение по категории ИТР (список 2) и пропуск в столовую "Товарковуголь". Кроме того, ей оплатили проезд из Иркутска и выплатили подъемные в размере 350 руб. Этот период я уже фрагментарно помню. Некоторые моменты, которые в какой-то мере дают представление о некоторых чертах характера мамы, я приведу. Запомнилось, как мама отмечала мой день рождения. В гости были приглашены

1935 -1936 гг.

5

несколько детей (3-4) с родителями. После застолья и игр, была устроена лотерея, в которую разыграли достаточно много моих игрушек. Ни один ребенок не оказался без приза. Сейчас я думаю, что таким образом достигалось несколько целей. Во-первых, мне внушалось, что расставание с собственностью может доставлять радость. Во-вторых, ликвидировались игрушечные завалы. Второй случай связан с особенностями моей еды. В отличие от мамы я этой процедурой занимался довольно долго. Поэтому не раз случалось, что мама убегала на работу, не дождавшись, когда я закончу трапезу, с наказом не выходить из-за стола пока тарелка не будет пуста. Однажды я нашел выход из положения. Когда она пришла на обеденный перерыв, я встретил ее на улице с раздутой щекой. На ее вопрос, что у меня за щекой, я ответил: "Котлета". Она была поражена и воскликнула: "И в кого ты такой дурак уродился? Неужели нельзя было ее выбросить". Но я был твердо убежден, что мое решение правильно, поскольку вранье наказывалось гораздо строже. Может быть, с тех времен идет мое неприятие всякой лжи.

С тех времен сохранилось воспоминание о выпуске воды из пруда, который находился недалеко от дома. Больше всего меня поразило множество вымазанных прудовым илом с ног до головы людей, которые вылавливали руками довольно крупных рыбин в жидкой грязи.

Несмотря на молодость, мама была врачом высокой квалификации, следила за специальной литературой и смело внедряла новые методы лечения. Сохранилась газетная публикация (к сожалению, название неизвестно), под названием "Пломбирование зубов без боли" (опыт зубного врача т. Турицыной), в которой говорится: "С первых же дней после опубликования в печати сообщений об обезболивании при пломбировании зубов по способу американского профессора Гартмана, зубной врач санатория "Красный шахтер" (Богородицк) тов. **Турицына** начала применять жидкость Гартмана... Тов. Турицына внесла некоторые изменения в технику обезбоживания..." Далее описываются эти новшества и положительные отзывы пациентов.

С июня 1936 г. по 9 ноября 1937 г. мама, по-видимому, работала зубным врачом в Загорске вплоть до ареста. Момент ареста я хорошо помню. Произошло это на улице. Мама купила мне полосатую конфету-тянучку, и я блаженствовал. Неожиданно к нам подъехала черная эмка, раскрылась дверца, и мы получили приглашение сесть в машину. Я был этим обрадован, так как решил, что нас будут катать по городу. А в те времена не каждому выпадала такая удача. Но нас привезли в деревянный одноэтажный клуб полностью забитый людьми, которые сидели и лежали на полу. Из детей я оказался один, и мама решительно потребовала, чтобы мне создали необходимые условия. В виде исключения нам выделили одеяло и поместили на сцене. Сутки или двое я провел там. В памяти сохранилась картина: я стою посередине большого пустого зала, в углу которого находится стол, покрытый зеленым сукном. Меня спрашивают, знаю ли я какого-то человека. Вероятнее всего речь шла о ком-то, с кем мама настаивала отправить меня в Москву к Мишариным, а не в детдом. Не помню сцену расставания с мамой. Но видимо я испытал значительное потрясение, поскольку первые полгода в Москве я тяжело болел, находясь на грани жизни и смерти.

До 19 ноября 1942 г. мама провела в лагере на северном Урале. С 27 ноября 1942 г., уже в качестве ссыльной, стала работать зубным врачом в Ивдельлагере НКВД, где оставалась до 15 ноября 1946 г. Все это время я практически не имел связи с ней. Помню лишь несколько маленьких писем, полученных в 1939 г. в Ворошиловске (сейчас - Ставрополь). Они представляли собой маленькие самодельные открытки, на которых цветными карандашами были нарисованы море, пальмы и горы. Видимо кто-то из заключенных их рисовал, а мама на них писала мне письма. Читал я в то время уже хорошо. Этот период в своей жизни мама редко вспоминала. Но и отрывочные ее фразы свидетельствуют о многих испытаниях, которые пришлось ей пережить. Положение ее, по-видимому, усугублялось тем, что она была красива и независима. Однажды ей даже пришлось провести несколько суток в камере смертников, когда от нее добивались нужных показаний. Но все это ее не сломило. Удивительно, что выйдя на свободу он не испытывала ненависти к системе, которая столь жестоко и несправедливо обошлась с ней.

Вероятно, это свойственно людям жертвенным, готовым к любым трудностям и лишениям ради других. Свои лишения они воспринимают как испытание ниспосланное свыше. Может быть, именно поэтому она не посчитала возможным после освобождения войти в мою жизнь, понимая, что в семье Одинцовых мне будет лучше, и я смогу достичь большего.

В ноябре 1946 г. мама переехала в Сталинград, где поступила на работу в качестве зубного врача в медсанчасть нефтеперегонного завода им. Петрова и стала жить вместе с Юнгером. Здесь после 12-летнего перерыва мы с ней впервые встретились. Надо сказать, что это был довольно волнующий момент. Мы оба боялись не узнать друг друга, так как понимали, что пережитое накладывает существенные изменения на облик человека. Но опасения были напрасны. Однако годы разлуки не прошли бесследно. Некоторые жизненные установки у нас оказались различны. Может быть, дело даже не в них, а в том разрыве духовной близости, который произошел. Ведь я превратился из нежного 6-летнего мальчика в достаточно самостоятельного юношу, который прошел школу нескольких сложных геологических экспедиций. В 1950 г., находясь с мамой в Геленджике, я, в ответ на ее резкие высказывания в мой адрес, решительно направился в кассу аэрофлота, купил билет до Иркутска и в тот же день вылетел. В течение года я не отвечал на ее письма и письма Юнгера, который умолял меня одуматься. Одно из маминых писем у меня сохранилось. Содержание его не лучшим образом характеризует меня, но мне представляется, что, несмотря на ошибочность, с моей точки зрения, понимания в тот момент мамой моей позиции, привести его следует для большей объективности.

" Дорогой Костя!

Вот уже скоро год как я не имею от тебя писем. Я понимаю, что ты совершенно меня забыл. Не твоя, но и не моя в этом вина, так сложилась жизнь. Но горечи и обиды на тебя у меня накопилось очень много. Понятно, что экспедиция интересней, чем поездка ко мне. Но мне очень неприятно, что у тебя не хватает смелости об этом мне написать. Ты выбрал самое простое и поэтому не честное молчание. Я не могу это назвать и деликатностью. Я знаю, что твои фотографии есть у всех, кроме родной матери и даже когда Ольга Витальевна хотела отправить, ты их вынул. Почему? У меня создается впечатление, что ты стал настолько умным и предусмотрительным (поступление в комсомол, ответ кто родители, я знаю твой ответ), что хочешь не знать меня. Если это так, Костя, ты уже взрослый, дело твое, но я прошу ясность. Если я ошибаюсь, прости меня. Пожалуйста, ответь. Привет Ольге Витальевне, Марии Константиновне и Михаилу Михайловичу.

Целую, твоя мама.

5.04"

Из этого письма видно насколько болезненно мама переживала разрыв между нами, и какие мысли у нее возникали при этом. Однако она плохо представляла себе, какую реакцию у меня могут вызвать ее несправедливые (комсомол, моя "предусмотрительность") обвинения. Позднее мама решила, что причина конфликта лежит в Юнгере, и я просто осуждаю ее за эту связь. Но она ошибалась. Скорее всего, я унаследовал от нее бескомпромиссность характера и не допускал ни малейшего посягательства на свою внутреннюю свободу. Сейчас мне стыдно и больно за те страдания, которые я причинил ей из-за своего юношеского максимализма. Но теперь поздно об этом говорить. Надо сказать, что позднее, когда мама лучше узнала меня, у нее подобных мыслей больше не возникало, хотя с написанием писем у меня и в дальнейшем были проблемы.

Летом 1951 г. мама ушла от Юнгера и уехала в Подмосковье. С 26 июня 1951 г. по 19 мая 1952 г. она работает зубным врачом в туберкулезном санатории " Бобыльское". С 23 мая 1952 г. по 3 ноября 1953 г. она уже трудится в санатории "Степное", а с 4 ноября 1953 г. по 22 марта 1957 г. в тубсанатории "Кособродск". Последний находился на южном Урале, недалеко от города Троицк Челябинской области. Летом 1955 г. мы с Кларой

приехали к ней в гости. Мама всегда отличалась хлебосольством. Но здесь она превзошла себя, стремясь как можно лучше накормить нас. Здесь были и какие-то необыкновенные по размерам куры, фрукты и маринованные белые грибы и т.п. Я же, желая сделать ей приятное, съел целую огромную курицу, и мне стало плохо.

После "Кособродска" мама с 21 мая 1957 г. по 8 мая 1958 г. проработала в санатории "Моква" Курской обл., а затем в тубсанатории "Брянский бор" (13 мая 1958г.-4 марта 1959г.) на станции Злынка. С этого времени мы уже встречались довольно часто. Она приезжала к нам в Ангарск в отпуск. Мы ездили к ней в Злынку. Запомнились курские яблоки, которые она привозила и присылала нам по почте. Она осуждала наше неумеренное пожирание фруктов и, живя у нас, выдавала каждому несколько штук яблок ежедневно, растягивая удовольствие на многие недели. Это, естественно, не вызывало понимания у Сережи и Клары.

15 января 1959 г. Военным трибуналом Московского военного округа дело по обвинению мамы было пересмотрено, постановление от 29 декабря 1937 г. было отменено за отсутствием состава преступления. В соответствии с законом у нее возникло право на получение квартиры в Загорске. Видимо поэтому она возвращается в Загорск и поселяется в Птицеграде, начав затяжную борьбу за свои поправленные права.

Длительное время мама живет в комнате с удобствами на втором этаже деревянного дома. У нее установились хорошие отношения с соседями, поскольку она была отзывчива, очень организована, проста в обращении, чистоплотна во всех отношениях, бескорытна. Она очень любила лес и часто подолгу гуляла в нем, собирая грибы. Жизнь в Птицеграде, окруженном полями и дубравами, была в этом отношении, для нее очень удобна. Особой ее страстью был сбор белых грибов. Поскольку сама она их не ела, то большую часть добычи раздавала соседям и знакомым.

Восстановив старые знакомства, мама часто ездила в Москву. Наиболее часто она бывала у подруг, с которыми была связана еще с 30-х годов. Это и Озерецковская В.? и Сыроечковская М.?. Возможно, у кого-то из них она оставляла меня, во время своих поездок к отцу, в том числе в Воркуту. Очень близкие отношения у нее сложились с самой младшей из моих теток - Н.К. Ремизовой, которая в то время жила в Александрове.

Выйдя на пенсию, мама еще иногда подрабатывала зубным врачом. Одной из последних таких акций у нее была работа в деревне Киреевка, находящейся в Подмосковье. Там ее поразил средневековый быт жителей, совершенно оторванных от цивилизации, несмотря на близость Москвы. Она очень легко сходилась с людьми, была демократична и терпима ко многим их слабостям. Однако совершенно не терпела лицемерия, лжи и хамства. В этих случаях она могла быть достаточно резка.

Нередко мама в летний период поселялась на дачах своих подруг, наводя там идеальный порядок и сохраняя при этом свою независимость и самостоятельность.

Часто она приезжала к нам, беря на себя все заботы по дому. Меня всегда поражала ее организованность. Она не делала лишних движений. Создавалось впечатление, что все делается само собой. Утром она не выходила из своей комнаты до нашего ухода на работу. К обеденному перерыву она наводила порядок в квартире, делала покупки в магазинах, готовила обед на два-три блюда. К нашему приходу все уже стояло на столе. Затем она отправлялась в длительную прогулку по окрестностям Ангарска. Иногда последняя затягивалась на 3-4 часа. Вечером мы собирались все вместе, обсуждали новости, читали. В 10 вечера мама удалялась к себе, захватив книгу. Все делалось спокойно, без всякой спешки. Этот жизненный ритм, по-видимому, был ею выработан как защита своей нервной системы от лишних раздражителей. Дело в том, что в экстремальных для себя ситуациях она часто теряла сон. Это случалось накануне поездок, перед какими-либо важными для нее событиями. В то же время, живя у нас, она отомобилизовывалась и это требовало известных усилий. Вероятно именно поэтому, как она говорила, выдержать нас более трех месяцев ей было трудно. Она, несомненно, обладала большим жизненным опытом и тактом. Это проявлялось в ее очень деликатном

отношении к нашей семейной жизни. Во всех, без исключения, конфликтных ситуациях она принимала сторону Клары, к которой относилась с большим уважением. Конечно, все это можно отнести и на счет особых качеств Клары, ее житейской рассудительности. Но мне представляется, что суть состояла не только в этом.

Мама была очень прямой человек. Она никогда не кривила душой, ни перед кем не заискивала. Хотя не всем это могло нравиться, в конечном итоге с ней было просто общаться. Однажды я не очень удачно приобрел ей какой-то небольшой подарок. Она сразу же заявила: " Зачем ты купил мне эту ерунду? Ты же знаешь, что я пенсионерка и никаких ненужных вещей мне не надо. Если ты в другой раз захочешь сделать мне подарок, дай лучше на него деньги и я куплю то, что мне требуется". Конечно, слушать это мне было не очень приятно, но я полностью признал ее правоту и с тех пор подобных ошибок не совершал. Несмотря на прямоту и некоторую категоричность суждений мама была очень восприимчива к чужому мнению. Однажды на ее безапелляционное высказывание по какому-то вопросу я заметил, что ее позиция не единственная и поэтому в этом случае лучше говорить лишь о **своей** точке зрения. С этих пор, говоря о чем-либо спорном, мама всегда добавляла: " ... с моей точки зрения...", нередко многозначительно глядя на меня.

Следует отметить еще одно качество мамы: ее умение планировать свою жизнь. Последние годы она получала очень незначительную (по тем временам) пенсию, порядка 800 руб. Несмотря на это, она умудрялась из нее откладывать на сберкнижку определенные суммы и, накопив необходимое количество средств, выезжать на юг, где жила достаточно широко. К своему огорчению могу добавить, что те небольшие деньги, которые мы ей посылали, она клала на сберкнижку и ими не пользовалась. После ее смерти я их получил, почти полностью.

В 1976 г. мы в последний раз вместе с ней съездили в Крым в Планерское. До этого около недели провели в Москве, на Усиевича, в пустующей квартире М. Сыроечковской. В эти годы я часто там останавливался во время командировок в Москву. Обычно, после моей телеграммы, мама приезжала из Загорска, договаривалась с Мариной и встречала меня уже в Москве. На юге примерно две недели жили недалеко от дома Волошина, наслаждались морем, купаясь в живописных бухтах, путешествуя по окрестностям. Ездили в Феодосию в музей Грина, в музей-выставку Айвазовского. Как всегда ели огромное количество фруктов (до 10-15 кг. ежедневно), вызывая у мамы изумление и явное неодобрение.

В 1978 г. мама, наконец, получила, полагавшуюся ей по закону, как необоснованно репрессированной, однокомнатную квартиру в Загорске. Помещение было очень светлое. Утром комната была буквально залита солнцем. Из окна открывался живописный вид на колхозные поля и дубраву, и доносилось пение соловья. К сожалению, наслаждаться этой идиллией маме пришлось недолго. Осенью 1979 г. у нее начались неприятности с кишечником. 14 мая 1980 г. я получил телеграмму из Москвы от Н.К., в которой говорилось о том, чтобы я срочно вылетал в связи с болезнью мамы. Не заходя домой, я направился в кассу аэрофлота, купил билет до Москвы и на следующий день вылетел. Вместе с Н.К. мы выехали в Загорск и отыскивали маму в больнице. Палата, в которой она лежала, располагалась в крепостной стене Загорского монастыря. Это было мрачное помещение, едва освещаемое маленькими бойницами, грязное и забитое больными. По рассказу мамы, накануне в ее палате умерла женщина, безрезультатно умолявшая подойти к ней медсестер. Мы решили немедленно перевезти маму домой, где я буду ухаживать за ней до перевода ее в более приличное лечебное заведение. Это обещала организовать Марина Сыроечковская. Я пытался, как мог, облегчить мамину жизнь, добывая, по возможности, диетические продукты (что в то время сделать в Загорске было не так-то просто), готовя пищу, поддерживая порядок в доме. Для этого иногда приходилось на 6-часовой электричке мотаться в Москву и рыскать там по магазинам в поисках, прежде всего, свежей рыбы. Мои скромные познания в кулинарии не всегда удовлетворяли маму.

Так мне явно не удалось приготовить паровые котлеты, при виде которых мама заявила: " Я эту гадость есть, не буду!". Пришлось срочно готовить новое блюдо. Примерно через неделю после моего приезда М. Сыроечковская сообщила, что она договорилась о помещении мамы в институт проктологии в Москве. Мы стали готовиться к поездке. В этот момент, совершенно неожиданно для нас, приехал Сережа, который с командой шахматистов оказался в Москве. Я был просто поражен, как он в 1 час ночи, когда никакой транспорт уже не ходит (а ехать надо было от Загорска около 15 км) сумел добраться и найти нужный дом. Он тоже был потрясен болезнью бабушки. Всю ночь мы проговорили, а наутро вместе поехали в Москву. Там он отправился по своим шахматным делам, а мы в больницу. Устроиться туда оказалось не так-то просто. Дело в том, что директор института, с которым договорилась М.С., в своем кабинете бывал крайне редко, а все вопросы решала его заместитель - дама весьма решительная и суровая. Она на мое заявление о предварительной договоренности с директором сказала, что никаких указаний ей ее начальник не давал и вообще с блатными она дел иметь не собирается. Как мне стало известно позднее, в это время в институте была разоблачена группа взяточников, многих из которых уволили, и порядки приема на лечение были ужесточены. Мне удалось убедить ее, что мы к этим делам никакого отношения не имеем, и она дала добро на оформление мамы. Мама твердо поверила в возможность своего исцеления, хотя все кто видел снимок ее опухоли, не сомневался в исходе.

У меня появилась возможность перевести дух. Надо было оформить свое пребывание в Москве, поскольку я в спешке не сделал это. Мне предложили съездить в командировку в Калинин. Посоветовавшись с мамой и врачами, которые начали готовить ее к плановой операции, я согласился на эту поездку. Вернувшись из Калинина, я узнал, что положение мамы резко ухудшилось, у нее появилась непроходимость кишечника, и ее 2 июня экстренно оперировали. Мне пришлось поселиться в больнице, чтобы ухаживать за мамой. Спал по 3-4 часа, сидя в кресле. Раза 2-3 меня подменяли Люся и Эля Савельева, давая немного отоспаться и передохнуть. Для помощи телеграммой вызвал Клару. С ее приездом стало легче, но, к сожалению, время работало не на нас. Хотя мама вела себя очень мужественно, как могла, боролась с болезнью (даже делала зарядку сидя в постели, чем вызывала изумление врачей) силы постепенно оставляли ее. Это было видно не только визуально, но и подтверждалось объективными наблюдениями. Я каждые 15 минут измерял ей температуру и строил график, на котором хорошо было видно, что амплитуда колебаний этого параметра постепенно затухает. Когда по моим предположениям до конца оставалось около недели, меня вызвал гл. врач и предложил забрать маму из больницы, т.к. он считал, что агония может затянуться на многие месяцы, а они не могут себе этого позволить. После эмоционального объяснения мне удалось добиться отсрочки приговора. Смерть наступила в ночь со 2 на 3 июля 1979 г. 6 июля тело мамы было кремировано в Донском крематории. Через год, находясь в командировке, я забрал урну с прахом и захоронил ее на Радищевском кладбище в Иркутске. Так, после долгих странствий вернулась она к месту своего рождения.

Далее Р4